

Общественная природа города, его ландшафтные и архитектурные, знаковые и системные коды обеспечивают культурную преемственность и единство общества. В статье представлен сравнительный анализ концептов города в эпоху модерна, постмодерна («второго модерна») и метамодерна. С целью выявления базовых подходов к комплексному изучению города дается характеристика контекста городских исследований на каждом из этапов развития научного знания, определяется дискурс наиболее значимых концептов. Обосновывается необходимость для современной урбанистики применения метаисследовательского подхода к своему объекту.

Ключевые слова: урбанистика; городской дискурс; город модерна; город постмодерна; метаисследования города. /

The social nature of the city, its landscape and architectural, iconic and system codes ensure cultural continuity and unity of society. The article presents a comparative analysis of the concepts of the city in the era of modern, postmodern (“second modern”) and meta-modern. In order to identify the basic approaches to the comprehensive study of the city, the context of urban research is characterized at each stage of the development of scientific knowledge, and the discourse of the most significant concepts is determined. The author substantiates the necessity for modern urbanism to apply a meta-research approach to its object.

Keywords: urban studies; urban discourse; modern city; postmodern city; meta-studies of the city.

Статус знания в парадигмах исследования города / The knowledge status in the paradigms of urban studies

текст

Юлия Козлова

Московский городской педагогический университет /

text

Yulia Kozlova

Moscow City University

Вместо введения

Город воплощает в себе множество форм и стадий общественного развития – от архаичных до современных. Более того, именно система устройства города являет собой комплексное отражение социокультурного контекста будущего – в отличие от сельской общины, живущей в природных и родовых циклах. Так, У. Эко описывает город как текст с двумя системами кодирования – функциональной и знаковой – и подчеркивает, что все архитектурные элементы города помимо утилитарной нагрузки имеют и идеологическую функцию, «принуждают к модусу проживания», транслируют эмоции, например тревогу или чувство гордости, обеспечивают связь исторических и жизненных фактов [1]. Возрождение старых городов и создание новых создают макроструктуры, в которые должны быть вписаны актуальные базовые коды, определяющие общественные взгляды на жизнь и поведение. Поэтому архитектурная кодировка отражает прежде всего жизненные смыслы и ориентиры.

На основе биосоциальных и ландшафтных кодов создаются архитектурные коды, реализующие ценности горожан, их возможности и сложности, применяемые коммуникации. Проект всего города или отдельных его элементов опирается на определенную систему кодов и стоящих за ними смысловых связей. Материальные объекты и инфраструктура достаточно долговечны, но время от времени происходит смена их смыслового содержания, смена интерпретационного контекста. Именно поэтому архитектурный код, составляющий социальный фундамент города, неизменно обращен в будущее. Междисциплинарные исследования города второй половины XX – начала XXI века, ориентированные на изучение и реализацию права всех жителей на участие в принятии решений по городским проблемам, базируются на научных традициях модерна и постмодерна.

«Дух модерна» и интерпретации городского дискурса

Под влиянием научного прогресса город развивается количественно и структурно, возникают хорошо нам знакомые явления, обусловленные урбанизацией. Город – производственно-экономическая структура, на основе которой сформировался «большой стиль» эпохи модерна и позже, на его основе, – модернизм как парадигма

в науке и искусстве и, как следствие, модернистские модели в философии и культуре. Когда жители города становятся субъектами и объектами модернизации, они участвуют в массовом/коллективном производстве и потреблении, в том числе – культуры. Культурное содержание в виде знаков, смыслов и действий реализуется в пространстве города, его структуре, зонировании, новых объектах, переосмыслении созданного ранее. Контекст организации труда, необходимый для эффективного технологичного производства, влияет на городской ландшафт и обеспечивающую инфраструктуру, создает соответствующую социальную реальность со специфическими маркерами пространства и времени.

Массовая/коллективная идентификация дает свободу от пространственно-временных, этнических, идеологических ограничений, но она же формирует человека «нового типа», лишённого базовой ответственности и солидарности; в индустриальном городе человек частично или полностью лишен личной поддержки. Формы коммуникации, предписанные и адресованные ему в «городе больших возможностей» чаще всего бюрократизированы и усреднены. Городское пространство, в котором развиваются наука и искусство, неизбежно иерархично, сочетает академизм и демонстрацию технических достижений, структурированность и мотивационную готовность к преодолению трудностей. Наибольшее значение для города эпохи модерна в рыночном обществе имеют фордизм (для раннего модерна), тойотизм (как форма постфордизма для позднего модерна) и бюрократизированная система управления городским хозяйством – в условиях плановой экономики

В классической социально-гуманитарной науке эпохи НТР формируются подходы, изучающие социально-модернизационные трансформации в дискурсе города. Подчеркивается роль города в построении индивидуального и группового опыта, стимулировании устойчивых реакций на перемены. Город учит человека быть свободным, независимым, расчетливым и воспринимать других безлично. Это связано с разделением труда, диверсификацией и специализацией функций промышленного производства.

Наиболее авторитетным в традиции модерна является рационально-инструментальный подход к изучению

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российской Федерации в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», <https://rscf.ru/project/23-18-00288> / Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288>)

индустриального города, опередивший реалии рубежа XIX–XX веков, но впоследствии ставший недостаточным для осмысления новых социальных процессов [2].

Анализ города как формы общественного устройства во главу угла ставит экономические, управленческие связи, рациональные основания решения социальных проблем урбанизации, совершенствование коммуникаций, встроенных в производство. Производить конкурентные товары и услуги, знания и ценности, профессионалов определенного типа, граждан заданного склада – такова миссия города культуры модерна, в то время как в домодерной культуре его миссия состоит в обеспечении внешней безопасности и внутренней культурной преемственности, накоплении и преумножении материальных ценностей, специфического локального опыта. Транспортные системы, развитие средств массовой коммуникации в современном городском дискурсе создают все новые и новые коды, осмыслить содержание и функции которых стремятся ученые и представители творческих профессий. Сетевые сообщества формируются также в городе или между городами [3].

Таким образом, трансформация и осмысление духа эпохи происходят в архитектуре, искусстве, философии и науке. «Созидательное разрушение» научного творчества модерна (как и дискурса модернизма) – в том, чтобы создавать модели реальности, имеющие «срок годности» и проектный характер, отражающий и формирующий запросы массового сознания.

Для классических исследований города эпохи модерна характерно противопоставление Города, аккумулирующего властные, материальные и интеллектуально-технологические ресурсы, и Человека, реализующего профессиональные функции и социальных роли. Именно из противопоставления Города и Человека возникают противоречия возможностей и опасностей общества индустриальной эпохи. Информационное поле модерна декларирует равенство возможностей, одновременно реализуя все больше форм дегуманизации. Городское пространство становится товаром, формой неравенства и способом контроля. Именно поэтому эпоха модерна столь богата антропологическими исследованиями социума, в первую очередь городского. Связи горожанина с городскими сообществами на фоне роста технологий становятся все более опосредованными, ритуализированными, человек функционирует в пространстве знаков.

Взгляд на город с позиций постмодерна

Сегодня постмодерн – некая рефлексивная ретроспектива, особая эпоха развития общества и гуманитарной науки, роль которой была связана с выходом за ограничения современной модели. Выделяют также «второй модерн» [4], «текущий модерн» [5], продолжающийся и в XXI веке в связи интеграцией культур, глобальными рисками и глобальным взаимодействием, институализацией права личности на участие в принятии общих решений.

В целом переход западных городов к модели постмодерна (1970-е) был связан с двойным кодированием элементов городского пространства:

- функциональное содержание (административные объекты, дороги, мосты, площади, жилая застройка);
- смысловое содержание («обывывание» ландшафта, истории, конъюнктурных значений, цитат и метафор, актуальных для горожан) [6].

В культуре и искусстве город как модернистский текст приобретает новое измерение, в науке дискурс города развивается и дополняется мифами. Более того, город постмодерна всегда ориентирован на будущее, он существует в еще только формирующемся социально-историческом контексте, он изменчив, динамичен.

В социальном измерении своего пространства и времени город постмодерна пластичен, «текуч» [5], его архитектура становится «языком» [7], а повседневность

побуждает применять этот язык во взаимодействии между социальными группами, элитами, властью и рядовыми гражданами. Лос-Анджелес как эталонный город постмодерна вдохновил исследователей на создание критической концепции постметрополиса [8]. Город постепенно начинает рассматриваться как нечто, лишенное центра и в целом деления на центр и периферию, как нелинейное пространство игры, манифестации возможностей и свободы самопроявления.

Город, как и в дискурсе модерна, остается местом производства и потребления, в том числе научных и промышленных идей, но накапливает свойства деперсонализации, сегрегации и фрагментации, становясь местом «исполнения знаков». Формируется город – безличный и отстраненный, задуманный и построенный как способ поддержания установленного порядка при помощи знаков, атомизирующий жителей. При этом потоки информации о свободе, игре и разнообразных возможностях облекаются в формы массовой культуры и рекламы. На самом деле город постмодерна строится как гибрид потребления и релаксации, продукты приобретают все большую стилевую, смысловую нагрузку, и сама культура становится одним из форматов потребления. Все это транслируется и прочитывается в контексте городских структур. Элиты создают город как текст, а представители суб- и контркультур перекодируют его, меняя содержание «полученного письма» [9].

Последние десятилетия XX века, безусловно, уже эпоха городского образа жизни и городской культуры, начало масштабирования столичности и перепрочтения античности. Ж. Деррида описывал древний город как структуру, заменяющую письмо и письменность, представляющую собой цикличную открытую структуру, лабиринт. Подобно отдельному понятию в совокупности его значений, древний город может развиваться только будучи вписан в сеть других городов, в имперскую систему, в макрокосм. В концепте номадологии город со времен античности представлял собой «ризому», систему без центра, которая стремится к обмену с внешней средой, к расширению, самовосстановлению и множественности [10]. Это по своей природе – кочевая структура, но внутри нее периодически возникают и усиливаются субкультуры, предпринимаются попытки зафиксировать процессы входа и выхода, поляризации, создать механизмы регуляции.

Переход к постмодерну происходил в период, когда были накоплены обширные статистические данные по вопросам социально-демографической динамики городов. Качественные взаимосвязи урбанизации и трансформации знаковых систем, психолингвистику урбанизации и трансформации коммуникативных систем, семиотику урбанизации только предстояло описать. В постмодерном дискурсе, как правило, выделяется одна из шести ипостасей (или функций) города [11]: текст (нарратив); метафорическая рекурсия; контейнер символов и знаков; генератор мифов; открытая самоорганизующаяся система; агрегатор ресурсов.

Постмодерный уровень описания города позволяет исследователю-гуманитарию, подобно математику, использовать методы слабой формализации, применять для качественной или факторной интерпретации социальных данных «нечеткие модели», оставаясь на позициях «нечеткой логики», делать обобщения, уходить от фактологической конкретики на этапе проектирования исследования, возвращаясь к ней на этапе итогового контроля.

Метамодерный подход к изучению города

Метамодерный подход, продолжающий формироваться в настоящее время, направлен на определение ценностных оснований, переосмысление исследовательских проектов и их задач в соответствии с принципом сохранения

и возобновления внутренней истории каждого человека, его «заботой о себе». Первоочередным здесь является удержание набора идентичностей и их механизмов, приоритет образования и самообразования. Не случайно именно сейчас обретает новую жизнь высказанная в 1980-е годы идея технологий самости [12]: дискурс города становится необходимым основанием этого процесса. Образовательное значение города, особенно мегаполиса, университетского культурного центра, является необходимым, но недостаточным для раскрытия потенциала современного города как формирующей среды. Житель города постоянно запускает «образовательный бумеранг» и вынужден непрерывно применять те или иные образовательные практики для самоконструирования.

В рамках метамодерна актуализируется несколько направлений исследовательского восприятия городского дискурса. Во-первых, возникает концепция *learning city* – города с единой обучающей средой, интегрирующей исследовательские, учебные и культурные центры, базы знаний, библиотеки и другие ресурсы [13]. «Креативный город» [14] и «интеллектуальная сеть» [3] – примеры таких «новейших городских утопий», которые служат ориентирами для инфраструктурных и социально-гуманитарных исследований города.

Второе актуальное направление – проектирование. В нынешних условиях распространения инфографики, элементов дизайн-кодирования элементов городского пространства, цифровизации (удвоения) этого пространства важны метаисследования и метапроекты, позволяющие выйти за пределы конкретных технологий, вернуть участникам городского взаимодействия право субъектности, право выбора и право на участие в принятии решений об изменениях в городской жизни (в том числе и функциональных). Цифровые двойники, цифровые представительства создают административные и культурные учреждения, производства, все значимые элементы городской инфраструктуры. Образовательные и развлекательные платформы также формируют «виртуальный ландшафт города», дополняя его пространство новым измерением. Ключевым моментом здесь является не только доступность, но и возможность осознанного выбора.

Третьим направлением является «размыкание личности», преодоление тенденций эскапизма, поляризации и атомизации в обществе, присущих трансформационным периодам. Идентификация со значимой группой, поддержание релевантного ее образа и регулирование своей активности в соответствии с ожиданиями группы обеспечивают социальную интеграцию личности. Персональные и деперсонифицированные образы значимых других составляют отдельный пласт содержаний городского континуума. Поддержание связей «я – другой», «я – другие» – база раскрытия и построения личности. По утверждению Сократа, обучая других мы оказываем «самую прекрасную помощь, какую человек способен себе оказать» [15].

Реализация этих идей в коммуникативной и пространственной архитектуре города является точкой входа в особое его измерение, область метамоделей, в которой античные идеи интегрируются с технологиями алгоритмов, нейросетей и искусственного интеллекта. Промышленная урбанизация в XX веке сделала города гораздо более протяженными и во многом одинаковыми, т. е. уникальное в них стало объектом сохранения, а новое – итогом некоего компромисса между экономической и идеологической целесообразностью.

Город-архипелаг

В прикладном контексте теории метамодернистской архитектуры предлагают искать решение вопроса об интеграции шаблонного и неповторимого в модели «города-архипелага». Противоречие унификации и уникальности можно разрешить путем зонирования, создания

города-коллага, регулярного или нерегулярного города, состоящего из кластеров, островов, осколков. Такое решение позволяет снизить напряженность между «старым и новым», не снимая контрастности и сохраняя город живым. Город, состоящий из зданий или зон застройки, имеющих различный функционал, разную наполненность и насыщенность, побуждающий жителя совершать переходы между этими «островами», пересекать условные границы, прокладывать маршруты через частные и общественные пространства, – эталон метамодерна.

Архипелаг как коллаж вырванных их контекста элементов, уникальный у каждой субкультурной группы города – модель К. Роу и Ф. Кеттера [16]. «Город в городе» состоит из независимых островов, где каждый район, квартал, двор, дом – город в миниатюре, где рекурсия переключает жителя от сиюминутного и малого к глобальному, с одного уровня на другой. В конструировании и изучении такого города-анклава можно двигаться в одном из двух векторов: «урбанизация архитектуры» (стирание форм, минимизированная акторно-сетевая схема) или «архитектуризация города» (выработка универсального метода проектирования, который воплотил бы влияние на мышление и воображение через архитектурные формы). Город-архипелаг по своему замыслу противостоит урбанизации, поскольку воплощает плюрализм и противоречивость социума [17]. Обращение к идее античного полиса позволит уравновесить экономические интересы, остановить бесконтрольное разрастание городов и раскрыть подлинную общественную природу города: объединение с отсутствующим центром и развитие за счет повышения насыщенности городских пространств, а не за счет их экспансии, слияния и поглощения агломерациями.

Если в практику проектирования городов принципы метамодерна проецируются пока в виде пилотных градостроительных проектов, то исследовательский инструментарий приобрел социально-этическое и историческое измерение. Так, концепт Аурели направлен на систематизацию истории градостроительства и определение городского строительства как формы репрезентации мира во всем его многообразии. Здесь город является континуумом, где возникают и исчезают объекты, полученные в результате «действий схватывания мира». Метаягород прежде всего должен восстановить баланс политического (общественного) и экономического измерений (античных полиса и ойкоса), а городские исследования – получить статус общетеоретических, оставив посредничество между политикой, экономикой и техникой. Глобальная архитектура и тотальное проектирование в модели метамодерна являются способом взаимодействия человека и мира, а изучение города – метанаякой.

Наука будущего – наука о городе?

Какой же должна быть новая урбанистика, наука о городе, заново открывающая императив античности, и какой инструментарий познания, накопленный в предыдущие периоды, станет ее научным арсеналом? С позиций общенаучного подхода для ответа на этот вопрос необходима характеристика каждого этапа по следующим критериям: определенность знания; его целостность; структурность; принцип конструирования нового; репрезентация нового; представление об истине; уникальность нового; представление о цели исследования; характер взаимосвязи вещи и знака [18].

Определенность периода модерна выражается в схеме классического научного исследования, это направленный поиск знаний в соответствии с гипотезой. Классические исследования Чикагской школы раскрывают возможности и ограничения этого подхода. В период постмодерна исследования строятся на принципах неопределенности, равновероятности и флуктуации, что неизбежно ведет к научному пессимизму и разным формам разоча-

рования. Метамодерн предполагает осознанную необходимость ограничения исследования постановкой практических задач с заданными параметрами. При этом город мыслится как территория без предела, «место, у которого нет места», конструкция, объединяющая «здесь, там и нигде», т. е. жизненные факты, обращенность в будущее и рамочные смыслы. Город метамодерна бесконечен, поскольку полагается «бесконечно отступающим в будущее и прошлое», что описывает целый спектр дискуссионных концепций.

Таким образом, целостность знания, замкнутая на подтвержденной теории, как признак современной социальной урбанистики рубежа XIX–XX веков была компенсирована многочисленными (преимущественно семиотическими, лингвистическими) исследованиями постмодерна, основанными на множественности социальной структуры. Метамодерн ставит прагматические задачи, прежде всего связанные с созданием качественной городской среды и функционированием социальной инфраструктуры в контексте города.

Структура города, факторы, обуславливающие его развитие, формы взаимного влияния города и социума – опорные принципы классических городских исследований. В период постмодерна на смену им пришло изучение свободного движения флуктуаций, глобальные, массовые процессы, в том числе и дихотомия власть – масса, ее реализация в пространстве города. Метамодерн предполагает независимое изучение трендов. В этом смысле социальные исследования города должны быть эффективными для того, чтобы экспертные сообщества могли занять адекватное место в социальной структуре общества.

Понимание нового в исследовании периода модерна базируется на структуре одной научной дисциплины, в постмодерне оно междисциплинарно и многомерно. В метамодерне – это миф, изначально осознаваемый как миф, что на самом деле не ограничивает исследователя, а освобождает его, дает возможность применять и создавать необходимый для получения знаний инструментарий.

Отношение к новому в классических исследованиях города – как к ожидаемому научному факту, в постмодерне факты отбираются в соответствии с рабочей концепцией, а в метамодерне новое демонстрируется как возможность обобщения и актуализации ценностей.

Истина, понимаемая в модерне как безусловная ценность, заменяется в постмодерне множественными рядоположенными концепциями, которые не отменяют одна другую и не требуют совершать выбор. Эклектичность и противоречивость городского культурного ландшафта интерпретируется как пространство спонтанного самопроявления.

Научные знания, полученные любым из методов и прошедшие верификацию в модерне, должны быть уникальны и иметь личное или коллективное авторство. В постмодерне новое представляет коллаж уже известного, а в метамодерне этот коллаж и отдельные его элементы приобретают новые смыслы.

Если цель исследования в классической науке – прогнозирование, в постмодернизме – преобразование социальной структуры, то в метамодернизме – спланированная стихийность, обеспечение естественных процессов. Язык как знаковая система в модерне предусматривает тождественность вещи и обозначающего ее знака, в постмодерне акцентируется символичность, т. е. формирование особой буферной реальности, в которой и происходит взаимодействие вещи и знака. Метамодерн предполагает метафоричность, свободное использование образных систем с соблюдением правил каждой из них.

Таким образом, рассматривая концептуальные основы урбанистики в периоды модерна, постмодерна и метамо-

дерна, можно отметить, что противоречия экономического/политического, частного/общественного разрешаются исследователями с позиций научного познания (модерн), коммуникаций (постмодерн) и этики (метамодерн).

Исследования города: достоверные знания, эффективное управление и этика

Город, с одной стороны, является продуктом определенной дискурсивной практики, с другой – представляет собой «фабрику дискурсов». В контексте соотношения части и целого важно концептуализировать город как относительно автономную дискурсивную целостность, свойства которой не сводятся к сумме ее сегментов, раскрыть природу города как социально-коммуникативной конфигурации и текста.

Двигаясь от конкретных практически значимых аспектов городской жизни, требующих качественного нормативного регулирования, мы приходим к необходимости структурировать их исследования. Новая модель позволяет преодолеть дисциплинарные ограничения, не утратив объективности и реалистичности.

Символический, нормативно-перцептивный субъектный уровень исследований позволяет определить подходы к проблемам города в контексте формирования городской среды, развития общественных городских пространств и социальной интеграции граждан и социальных групп. В условиях современной постглобальной цивилизации в городах сконцентрированы основные виды ресурсов (человеческие, материальные, информационные), за исключением природных. В городах происходят значимые политические и культурные события, осуществляется интенсивная производственная и торговая деятельность. Городское пространство многомерно и в той или иной форме дает жителям возможность участвовать в деятельности социальных структур, сообществ, предоставляет выбор возможностей для труда и отдыха.

Житель города является объектом управления, он осуществляет предписанные ему способы поведения, демонстрирует лояльность, реализует некий набор моральных констант. В то же время во многих вопросах горожанин нуждается в том, чтобы заявить свою позицию, дать оценку, консолидироваться с другими. Если существующие формы такой возможности не предоставляют, то именно в сетевых, цифровых форматах реализуется право на объединение, выражение своего мнения, фиксацию оценки происходящих событий. Особо следует выделить две сферы, внутри которых происходит институализация моральных норм – это профессиональная трудовая деятельность и образование.

Значение трудовой деятельности для городской жизни – важнейшее, именно концентрация масштабных промышленных производств, профессиональная специализация, образ жизни, связанный с обеспечением крупного бизнеса, привели к взрывному росту мегаполисов в XX–XXI веках. В то же время возникает и вопрос о том, что несет дальнейшее развитие технологии, следует ли ориентироваться на снижение роли труда.

Сфера науки и образования является тем неотъемлемым формирующим элементом, благодаря которому поддерживается целостность городской системы, осуществляется преемственность и развитие ценностей, на основе которых и формируются групповые и локальные морально-этические кодексы. Центры образования и науки, включенные в систему города, находятся на пересечении национального, регионального и локального, создавая, таким образом, условия для интеграции культур, для поддержания общественно-значимой объединяющей этики.

Концептуализация города направлена именно на то, чтобы институализировать внутренние уровневые противоречия и противоречия между процессами разных уровней. Урбанистическая этика, таким образом, основана

на дихотомии индивидуальность – множественность, противопоставлении уникального и типового. На каждом новом этапе общественного развития город как система вырабатывает актуальный вектор социальной справедливости, определяется круг вопросов, для решения которых формируется социальная структура. Движущей силой здесь является реализация социального права и достижение того положения дела, которое соответствует актуальному представлению о справедливости.

Формально моральная составляющая массового сообщества в городе может включать в себя социальные нормы, этику, моральные ценности, правила поведения. Она определяется такими факторами, как религия, культура, история и общественно-политические процессы. Вне зависимости от исторического контекста действующие моральные регуляторы и ценности городских сообществ декларируют благо всех его членов, реализацию прав и свобод каждого человека. Если же этого не происходит, то усиливаются такие маркерные явления, как миграция, преступность, нарушение норм и правил общежития, атомизация и формальная принадлежность общественным группам, протестные и контркультурные движения.

Заключение

Изучение широкого круга социально-культурных и междисциплинарных исследований города представляет широчайший спектр описательных и структурных его моделей, для ориентации в которых необходимо выяснить, как менялись концепт города, представление о его структуре и функциях, понятийное поле городских исследований. С нашей точки зрения, целесообразно выделить трех ключевых подходов к изучению города, которые обусловлены социально-историческими условиями развития общества и общенаучными трендами.

Традиционный подход (герменевтический) интерпретирует город как текст (замкнутый круг), примерами которого служат римский имперский город, средневековый город. В дискурсе модерна город представлен как структурно стабильная система, которая может меняться под влиянием экономических, технологических, демографических условий, аккумулировать ресурсы, взаимодействовать с властью. Город модерна, формирующий мировоззрение и поведение, вовлекающий жителей в непрерывное производство и потребление, представляет собой единство архитектурно-ландшафтных элементов, инфраструктуры и коммуникаций. Ключевым противоречием в этой системе является противопоставление города, как источника всех видов ресурсов, и человека, как носителя социальных функций.

Постмодерный (семиотический) подход рассматривает город как знаковую систему из мифологизированного имени и развивающегося пространства, интегрирует производство научных знаний о мире в структуру городских коммуникаций. Урбанизация и рурализация – явления, характеризующие социальные последствия преобразования сельского общинного уклада в производственный. Интеллектуальное освоение мира приводит к появлению все новых и новых моделей города (глубинный и умный, креативный и наукоемкий и др.), каждая из которых акцентирует те или иные аспекты его существования и ни одна из которых не ориентирована на будущее.

Метаисследования города направлены на выявление тех скрытых взаимосвязей между явлениями городской жизни, которые отдельные дисциплины не вполне отражают и позволяют не только характеризовать городские проблемы, но и прогнозировать их состояние, принимать обоснованные решения.

Литература

1. Эко, У. Отсутствующая структура. La struttura assente : введение в семиологию. – Москва : Corpus ; ACT, 2019. – 698 с.
2. Вебер, М. Избранное. Образ общества. – Москва : Юрист, 1994. – 704 с.

3. Коллинз, Р. Социология философии: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2002. – 1284 с.
4. Бек, У. Общество риска: На пути к другому модерну / перевод с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
5. Бауман, З. Текучая современность / перевод с англ. под ред. Ю. В. Асокакова. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 240 с.
6. Turner, T. City as Landscape: A Post Post-modern View of Design and Planning. – London : Taylor & Francis, 1995. – 260 p.
7. Barthes, R. Semiology and Urbanism // The Semiotic Challenge, translated by R. Howard. – Oxford : Basil Blackwell, 1988. – P. 191–201.
8. Soja, E. W. Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. – 1st Edition. – Hoboken : Wiley-Blackwell, 2000. – 464 p.
9. Деррида, Ж. О грамматологии / перевод с франц. Н. Автономовой. – Москва : Ad Marginem, 2000. – 520 с.
10. Делез, Ж. Гваттари Ф. Ризома («Тысяча плато», гл. 1) // Восток : альманах. – 2005. – № 11–12.
11. Стась, И. Н. Концепт «город» в постмодернистской историографии // Вестник Челяб. гос. ун-та. – 2012. – № 11 (266). – С. 154–159.
12. Foucault, M. Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault. – Amherst : University of Massachusetts Press, 1988. – 176 p.
13. Conceptual evolution and policy developments in lifelong learning / eds. Jin Yang, Raul Valdes-Cotera. – Hamburg, 2011. – P. 210, 212.
14. Лэндри, Ч. Креативный город. – Москва : Классика-XXI, 2006. – 399 с.
15. Платон. Горгий // Собр. соч. : в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – Санкт-Петербург, 2006. – Т. 1. – С. 369.
16. Рой, К., Кеттер Ф. Город-коллаж. – Москва : Strelka Press, 2018. – 208 с.
17. Аурели, П. В. Возможность абсолютной архитектуры. – Москва : Стрелка. – 2014. – 303 с.
18. Суворов, Н. Н. Новизна в спектре культурных изменений XX–XXI веков: модерн, постмодерн, метамодерн // Вестник Санкт-Петерб. гос. ин-та культуры. – 2020. – № 1(42). – С. 82–89.

References

- Aureli, P. V. (2014). *Vozможnost absolutnoj arkhitektury [The possibility of an absolute architecture]*. Moscow: Strelka.
- Barthes, R. (1988). Semiology and Urbanism. In R. Howard (Trans.), *The Semiotic Challenge* (pp. 191-201). Oxford: Basil Blackwell.
- Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost [Liquid modernity]* (Yu. V. Asokakov, Ed.). SPb.: Piter.
- Beck, U. (2000). *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu [Risk society: Towards a new modernity]* (V. Sedelnik & N. Fedorova, Trans.). Moscow: Progress-Tradiciya.
- Collins, R. (2002). *Sociologiya filosofij: globalnaya teoriya intellektualnogo izmeneniya [The sociology of philosophies: A global theory of intellectual change]*. Novosibirsk: Sib. khronograf.
- Deleuze, G., & Guattari, F. (2005). The Rhizome (A thousand plateaus, Ch. 1). *Almanakh "Vostok"*, 11-12.
- Derrida, J. (2000). *O grammatologii [Of grammatology]* (N. Avtonomova, Trans.). Moscow: Ad Marginem.
- Eco, U. (2019). *Otsutstvuyushhaya struktura. La struttura assente: Vvedenie v semiologiyu [The absent structure: Introduction to semiotics]*. Moscow: Corpus; AST.
- Foucault, M. (1988). *Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault* (L. H. Martin, H. Gutman, & P. H. Hutton, Eds.). Amherst: University of Massachusetts Press.
- Landry, Ch. (2006). *Kreativnyi gorod [The creative city]*. Moscow: Izdatelskij dom "Klassika-XXI".
- Plato (2006). Gorgias. In: A. F. Losev, V. F. Asmus (Eds.), *Collection of works in 4 vols* (Vol. 1, p. 369). SPb.
- Rowe, C., & Koetter, F. (2018). *Gorod-kollazh [Collage city]*. Moscow: Strelka Press.
- Soja, E. W. (2000). *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions* (1st ed.). Hoboken: Wiley-Blackwell.
- Stas, I. N. (2012). Концепт 'город' в постмодернистской историографии [City concept in postmodern historiography]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 11(266), 154-159.
- Suvorov, N. N. (2020). Novizna v spektre kulturnykh izmenenij XX-XXI vekov: modern, postmodern, metamodern [Novelty in the spectrum of cultural changes of the XX-XXI centuries: Modern, postmodern, metamodern]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultury*, 1(42), 82-89.
- Turner, T. (1995). *City as Landscape: A Post Post-modern View of Design and Planning*. London: Taylor & Francis.
- Weber, M. (1994). Gorod [The city]. In *Izbrannoe. Obraz obshchestva*. Moscow: Yurist.
- Yang, J., & Valdes-Cotera, R. (Eds.). (2011). *Conceptual evolution and policy developments in lifelong learning* (pp. 210, 212). Hamburg.